

С.А. НЕФЕДОВ

Об экономических предпосылках русской революции

Была ли русская революция начала XX в. случайностью, или она обусловлена долгосрочными экономическими процессами? Ответ на этот вопрос тесно связан с анализом экономического развития в XIX – начале XX в. и с общей проблемой существования исторических закономерностей, проявлением которых, согласно марксистской точке зрения, является эта революция. Несостоятельность марксистской версии причин революции привела многих отечественных исследователей к утрате веры в существование каких-либо закономерностей вообще. "Из-за утраты веры в закономерность исторических событий... – отмечает известный американский историк Л. Хеймсон, – в современной российской историографии образовался вакуум, чем и объясняется появление таких стереотипов в интерпретации исторических процессов, как сведение объяснения Октябрьского переворота к заговорщической деятельности большевиков..." [Хеймсон, 1993, с. 4].

Стремление к поиску объективных причин явлений свойственно большинству научных школ, и нет ничего удивительного в том, что попытки найти экономические предпосылки русской революции предпринимались не только в марксистской, но и в западной историографии. «В 1905 г. произошла аграрная революция, – писал Г. Робинсон, – и в подоплеке этой революции, рассматриваемой как "результат", должно быть, имелись некие "причины"; если же это не так, то не имеется никакой логики в движении истории. Так как результат был глубок и широк, причины, должно быть, также простирались широко и глубоко в жизнь деревень...» [Robinson, 1967, p. 363]. Долгое время причину революции видели в ухудшении положения народных масс, и прежде всего крестьянства; главной предпосылкой его оскудения считался быстрый рост населения, приведший к острой нехватке земли (см. например [Gerschenkron, 1965; Volin, 1970]). В 1980-х гг. эта точка зрения была поставлена под сомнение в работах П. Грегори, П. Гатрелла, Дж. Симмса, С. Хока, С. Уикрофта и ряда других авторов [Gregory, 1982; Gatrell, 1986; Simms, 1977; Hoch, 1994; Wheatcroft, 1991]. Отмечая фиксируемый в конце XIX – начале XX вв. рост населения, душевого производства и потребления, эти авторы полагают, что российская аграрная экономика развивалась успешно. Близкую точку зрения выражает и известный российский историк Б. Миров, который уточняет, что до 1880-х гг. потребление у крестьян падало, а затем начало расти [Миров, 2002, с. 37]. Но почему же тогда произошла революция?

Неомальтузианство и теория вековых циклов

Объяснение причин революции, исходившее из ухудшения положения крестьянства, опиралось на представление об исторических и экономических законах, а именно, на классическую мальтузианско-рикардианскую экономическую теорию. Эта теория

Нефедов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург).

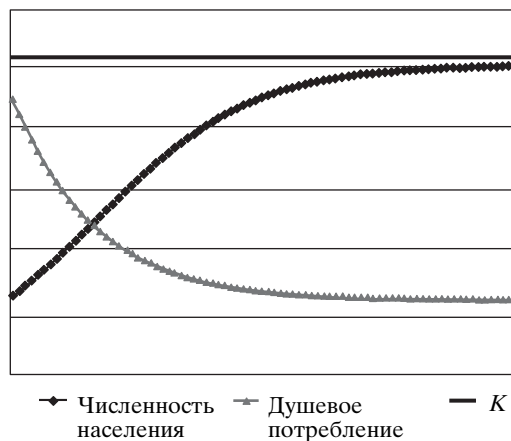

Рис. 1. Логистическая кривая и кривая потребления.

утверждает, что в условиях ограниченности ресурсов пахотных земель рост населения приводит к уменьшению душевого сбора и потребления хлебов. Как показали Е. Ригли и Р. Шофилд [Wrigley, Schofield, 1981, р. 9], в традиционном обществе существует корреляция между уровнем потребления и величиной естественного прироста, поэтому уменьшение потребления должно вызывать замедление роста населения. В простейшем случае, когда площадь пахотных земель ограничена, а урожайность постоянна, объем продовольственных ресурсов ограничен вмещающей емкостью экологической ниши (константа K – *carrying capacity*). В этой ситуации динамика населения и потребления описываются хорошо известным в экологии логистическим уравнением, решением которого является логистическая кривая (рис. 1) [Pearl, 1925].

Согласно логистической модели по мере роста населения потребление снижается до голодного минимума и далее уже практически не убывает; кривая потребления движется вдоль асимптоты. Численность населения также стабилизируется, и система находится в состоянии экологического равновесия, когда голодная смертность компенсирует рождаемость. В аграрных обществах перенаселение проявлялось прежде всего в дроблении крестьянских наделов, которые уже не могли прокормить своих владельцев; разоренные крестьяне продавали свою землю ростовщикам и уходили на заработки в города. Однако ремесла не могли дать пропитание массам "излишнего населения", катастрофически росло число безработных и нищих; перенаселение приводило к хроническому голоду и восстаниям. Этот период "голодного гомеостазиса" называют периодом *стагфляции*; в одних случаях он продолжался несколько десятилетий, в других случаях быстро приводил к катастрофе. Дело в том, что состояние экологического равновесия неустойчиво; случайные факторы наподобие большого неурожая или неудачной войны могут в условиях крайнего напряжения социальной системы породить страшный голод, сопровождаемый эпидемиями, или всеобщее восстание, перерастающее в революцию, или то и другое одновременно.

Социальные революции были достаточно обычным исходом "вековых" демографических циклов: из 16 исследованных мною циклов в странах Востока, которые начались в условиях господства частной собственности на землю, 13 циклов завершились революциями, которые привели к ликвидации крупного землевладения [Нефедов, 2003]. Однако и помимо передела земли, голод, эпидемии и гражданские войны заканчивались гибелью большей части населения и появлением свободных земель. Таким образом, проблема перенаселения и нехватки земли на время теряла свою актуальность. Наоборот, возникал недостаток рабочей силы, вызывавший увеличение заработной платы и потребления. Но затем население вновь начинало расти, что заканчи-

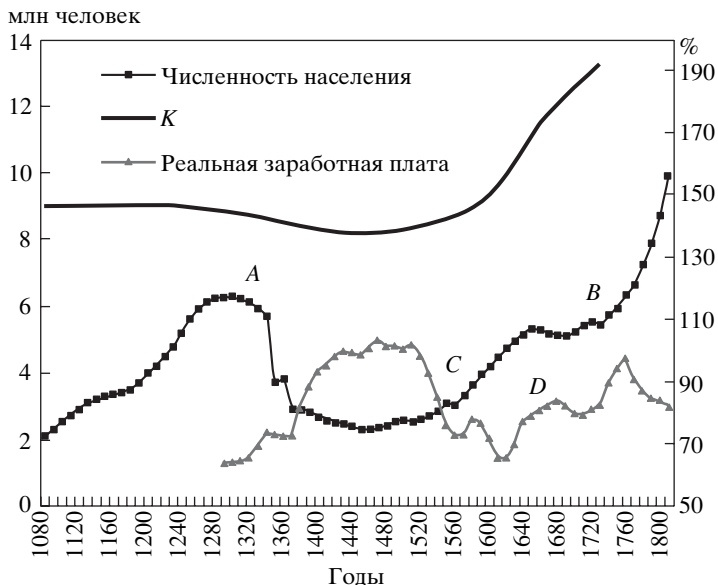

Рис. 2. Численность населения и уровень потребления в Англии XII–XVIII вв.

валось перенаселением и новым периодом голода и революций. История развивалась в ритме демографических циклов.

Теория циклов была разработана в первую очередь представителями знаменитой французской исторической школы "Анналов"; у ее истоков стояли такие известные ученые как Э. Лабрусс, Ф. Бродель, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню [The Cambrige... 1967; Histoire... 1977]. Большую роль сыграли работы английских и немецких исследователей М. Поста, В. Абеля, К. Хеллинера. Различные ученые называли циклы исторического развития по-разному: "демографическими", "общими", "большими аграрными", "вековыми", "логистическими". Мысль о том, что завершающей стадией цикла является революция, была обоснована Лабруссом на примере Великой французской революции.

Позднее в рамках исторической социологии появилась "теория революции", и Д. Голдстоун детально показал роль перенаселения в революциях XVII–XIX вв. [Goldstone, 1991]. Более того, П. Турчиным была построена математическая модель, алгоритмизирующая вербальную схему Голдстоуна, и исследование модели показало, что в основе этой схемы лежат базисные экологические и экономические закономерности [Turchin, 2003, p. 117–123]. Другая модель "векового цикла", апробированная на материале Западной Европы, построена в совместной работе Дж. Комлоса и автора этих строк [Komlos, Nefedov, 2002].

Классическим (и важным для дальнейшего) примером повторяющихся демографических циклов являются английские циклы XII–XVIII вв. Рисунок 2 – один из вариантов известного графика Ф. Брауна и Ш. Хопкинса [Brown, Hopkins, 1955], на котором сопоставлены кривые численности населения и усредненный по тридцатилетиям тренд реальной заработной платы лондонского каменщика (средний уровень XV в. взят за 100). Реальная заработная плата в данном случае характеризует уровень потребления. Турчин добавил к этому графику кривую емкости экологической ниши K , равную тому количеству населения, которое *может* проживать на данной территории при распахке всех пригодных для обработки земель, средней для данного уровня урожайности и потребления по минимально возможной норме.

В традиционном обществе Англии урожайность и емкость экологической ниши остаются постоянными на протяжении многих столетий, и это жесткое ограничение придает демографическим кризисам характер катастроф. Первый кризис (обозначенный на графике буквой А) разразился в середине XIV в.; он был ознаменован голодом, страшной пандемией чумы и крестьянским восстанием 1381 г. Кризис привел к гибели более половины населения Англии; в результате сокращения населения уровень потребления увеличился почти вдвое. После того как утихли эпидемии и стабилизировалась политическая обстановка (примерно с 1480 г.), население стало расти. Участок С на графике подобен классической картине демографического цикла, изображенной на рисунке 1: население растет, а потребление падает. К 1600–1630 гг. потребление упало примерно на 40%, до критического уровня, на котором начался предыдущий кризис. Однако в это время начались аграрные преобразования, сопровождавшиеся повышением урожайности и расширением экологической ниши (участок D). Потребление стало увеличиваться, но экосистема все же не успела выйти из зоны неустойчивости, и стране не удалось избежать кризиса, который ознаменовался гражданской войной середины XVII в. (этот кризис обозначен на графике буквой В).

Однако благодаря расширению экологической ниши катастрофы на этот раз не произошло, лишь немного уменьшилась численность населения, а затем началась длительная демографическая стагнация. Таким образом, в Англии имели место два различных по типу кризиса: кризис типа А происходил в условиях стационарной экологической ниши – это кризис традиционного общества, принимающий масштабы демографической катастрофы. Кризис типа В происходил в условиях расширения экологической ниши, которая, тем не менее, расширялась недостаточно быстро, чтобы страна могла избежать потрясений. Это – кризис периода начальной модернизации.

Данный пример имеет прямое отношение к вопросу о причинах русской революции. Он показывает, что кризис может произойти и в начальный период модернизации, когда ее результаты еще не закрепились.

Российский кризис с точки зрения теории вековых циклов

Как выглядит российский кризис конца XIX в. с точки зрения теории циклов? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать динамику потребления в течение длительного – примерно столетнего – периода, предшествовавшего революции. Общая динамика экономического положения в первой половине XIX в. обычно реконструируется по данным губернаторских отчетов. Сопоставимые данные за 1802–1860 гг. имеются для 36 из 50 губерний Европейской России (см. табл. 1) [Ковальченко, 1959, с. 73–74].

Данные губернаторских отчетов говорят о том, что в начале XIX в. средний уровень чистого сбора был достаточно высоким – более 24 пудов на душу населения. За полвека посевы возросли, но урожайность упала, и рост населения привел к падению чистого сбора до 18,9 пуда. Уровень чистого сбора, однако, не вполне совпадает с уровнем потребления, так как часть зерна шла на экспорт, на винокурение и поставки для армии. Если учесть известные данные об экспорте [Покровский, 1947, с. 246], принять душевой расход на винокурение таким же, как в 1850-е гг. (см. табл. 2), а армейские поставки – пропорциональными численности армии, то мы получим кривую потребления, изображенную на рисунке 3. График на этом рисунке в целом подобен графику классического демографического цикла (см. рис. 1). Однако необходимо выяснить, насколько кривая потребления приблизилась к нижней асимптоте – минимальной норме потребления. Какова была минимальная норма потребления для того времени?

По наиболее обоснованным оценкам минимальная норма потребления хлеба в пищу составляет 15 пудов, однако часть зерна расходуется дополнительно на корм скоту [Аграрная... 1971, с. 48–50]. Для второй половины XIX в. минимальная норма потребления на питание и фураж по оценке А. Нифонтова составляла для нечерноземных областей 2,25 четверти, а для черноземных областей – 2,5 четверти [Нифонтов, 1974,

Таблица 1

Численность населения, посевы и сборы в 1802–1860 гг.*

	36 губерний Европейской России			Центральный район (7 губерний)		
	1802– 1811 гг.	1841– 1850 гг.	1851– 1860 гг.	1802– 1811 гг.	1841– 1850 гг.	1851– 1860 гг.
Численность населения (млн человек)	28,8	38,9	42,7	6,6	7,9	8,6
Посев (млн пудов)	278,3	329,5	347,8	65,6	73,6	78,2
Сбор (млн пудов)	974,4	1147,4	1153,5	183,1	211,4	221,6
Урожайность (сам-)	3,5	3,5	3,3	2,8	2,9	2,8
Чистый сбор (млн пудов)	696,1	817,9	805,7	117,5	137,9	143,4
Чистый сбор на душу населения (пудов)	24,2	21,0	18,9	17,8	17,5	16,7

* Здесь и далее в переводе данных из четвертей в пуды я пользуюсь соотношениями 1 четверть посева = 7,3 пуда, 1 четверть сбора = 7,8 пуда.

Таблица 2

Продовольственный баланс по 50 губерниям Европейской России

	1851– 1860 гг.	1861– 1870 гг.	1871– 1880 гг.	1881– 1890 гг.	1891– 1900 гг.	1901– 1910 гг.
Население (млн человек)	58,4	62,1	69,6	79,8	91,8	108,1
Зерновые						
Посев (млн пудов)	470	468	491	508	523	597
Сбор (млн пудов)	1577	1659	1890	2197	2606	3209
Урожайность (сам-)	3,4	3,5	3,9	4,3	5,0	5,4
Чистый сбор (млн пудов)	1107	1190	1399	1690	2084	2612
Чистый сбор на душу (пудов)	19,0	19,2	20,1	21,2	22,7	24,2
Вывоз (млн пудов)	57	102	234	385	441	610
Вывоз на душу пудов (пудов)	1,0	1,6	3,4	4,8	4,8	5,6
Расход на винокурение (млн пудов)	62,0	70,0	58,0	49,0	40,0	44
Заготовки для армии (млн пудов)	35	39	39	39	43	54
Потребление (млн пудов)	954	980	1068	1217	1559	1905
Потребление на душу (пудов)	16,3	15,8	15,3	15,3	17,0	17,6
Картофель						
Посев (млн пудов)	49	64	80	99	177	248
Сбор (млн пудов)	113	223	375	447	896	1168
Чистый сбор (млн пудов)	64	160	295	348	719	920
Чистый сбор в пересчете на зерно 5 : 1 (млн пудов)	13	32	59	70	144	184
Чистый сбор на душу населения (пудов)	0,2	0,5	0,8	0,9	1,6	1,7
Расход на винокурение (млн пудов)	0	7	66	80	110	147
Потребление картофеля на душу в пересчете на хлеб 5:1 (пудов)	0,2	0,5	0,7	0,7	1,3	1,4
Душевой чистый сбор хлеба и картофеля (пудов)	19,2	19,7	20,9	22,1	24,3	25,9
Потребление всех хлебов на душу населения с учетом картофеля (пудов)	16,6	16,3	16,0	15,9	18,3	19,0

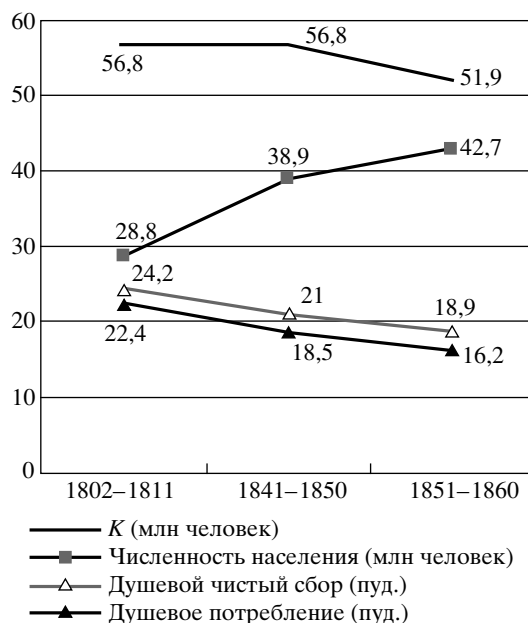

Рис. 3. Динамика населения и душевого чистого сбора в 36 губерниях России.

с. 140]. Если принять средний вес четверти в 7,8 пуда, то получится в первом случае 17,6 пуда, а во втором – 19,5 пуда. В среднем для всей России (пропорционально численности населения черноземных и нечерноземных областей) норма потребления во второй половине XIX в. составляла 18,7 пуда. Однако минимальная норма росла в результате распашки пастбищ и перехода на зерновые корма в крупных хозяйствах. Известный экономист П. Попов полагал, что в середине XIX в. расход зерна на фураж был невелик, но он быстро возрастал и к 1912–1913 гг. достиг 678 млн пудов, или 5,7 пуда на душу населения [Попов, 1925, с. 37]. В то же время Госплан СССР в начале 1920-х гг. определял норму зерновых кормов в 4,6 пуда на душу сельского населения (или 3,9 пуда на душу населения) [Чернышев, 1926, с. 90]. При норме питания Госплана в 15,3 пуда на душу населения это соответствует минимальной норме потребления в 19,2 пуда, поэтому можно считать, что минимальная норма потребления увеличилась в начале XX в. с 18,7 до 19,2 пуда. В первой половине XIX в. пастбищ было больше и зерна на фураж расходовалось меньше; поэтому можно предположить, что минимальная норма потребления хлеба составляла около 17 пудов.

Таким образом, падение душевых сборов в первой половине XIX в. привело к тому, что потребление снизилось до минимально возможной нормы. Падение потребления в свою очередь замедлило рост населения; естественный прирост уменьшился с 0,91% в 1795–1833 гг. до 0,58% в 1834–1850 гг. и до 0,49% в 1851–1857 гг. (подсчитано по [Кабузан, 1963, табл. 17]).

Урожайность в 1800–1850 гг. была практически постоянна и равнялась сам-3,5, а в 1851–1860 гг. уменьшилась до сам-3,3. Если принять за максимально возможный посев для 36 губерний посев 1913 г. (когда почти все пригодные земли были уже распаханы) и взять минимальную норму потребления 17 пудов на человека в год, то получается, что емкость экологической ниши (величина K) в первой половине XIX в. была постоянна и равнялась примерно 57 млн человек; в середине столетия в связи с уменьшением урожайности она немного уменьшилась. Стабильность экологической ниши соответствует характеристике российского общества этого периода как *традиционного общества*; сбор хлебов увеличивался исключительно за счет освоения еще имевшихся

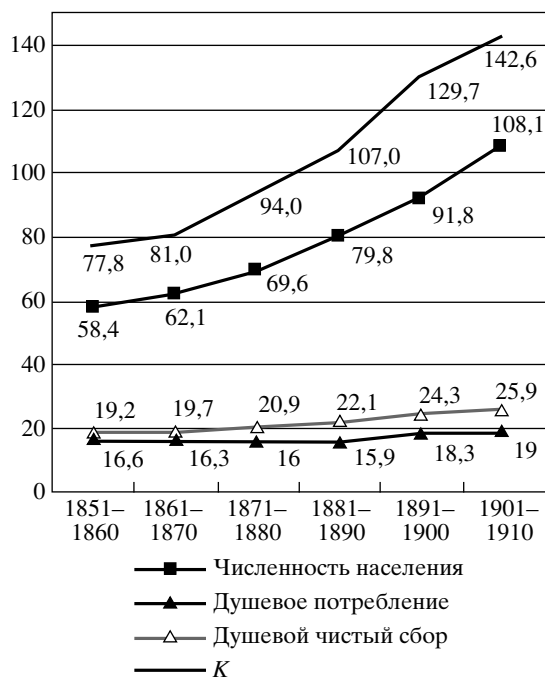

Рис. 4. Население, емкость экологической ниши (млн человек), душевое потребление и чистый сбор (пудов) в 1851–1910 гг. (50 губерний).

на окраинах свободных земель, при этом численность населения постепенно приближалась к емкости экологической ниши. В семи центральных губерниях (Московской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Ярославской, Тверской и Калужской) все свободные земли были к этому времени распаханы. Душевой сбор в этих губерниях находился на уровне, близком к минимальной норме уже в начале столетия; это свидетельствует о том, что здесь существовало аграрное перенаселение и регион с трудом обеспечивал себя продовольствием. На протяжении полувека душевой сбор оставался практически постоянным; он лишь немного уменьшился, упав при этом ниже уровня минимальной нормы. Это привело к падению естественного прироста в 1833–50 гг. до 0,16% – уровня, при котором можно говорить о демографической стагнации (подсчитано по [Кабузан, 1963, табл. 17]).

Таким образом, в соответствии с классическими представлениями циклической теории, рост населения в первой половине XIX в. привел к падению потребления до годового минимума. С середины столетия Россия вступила в период *стагфляции* – неустойчивого экологического равновесия, когда катастрофа могла разразиться в любой момент.

Для второй половины XIX в. имеются более подробные данные, которые позволяют судить об уровне потребления с учетом вывоза, расходов на винокурение и на армию [Нифонтов, 1974; Сборник... 1916].

Как следует из таблицы 2, во второй половине XIX в. урожайность начинает возрастать, что приводит к расширению экологической ниши (объем экологической ниши вычисляется как и раньше, исходя из посевных площадей 1913 г., и минимальной для этого периода нормы потребления в 18,7 пуда). Одновременно с расширением экологической ниши растет и население, причем коэффициент корреляции между ростом населения и урожайности равен 0,99 – то есть население возрастает ровно настолько, насколько позволяет увеличение урожайности (см. рис. 4). Душевой чистый сбор рос и в 1890-х гг. превысил уровень начала века – то есть уровень, с которого началось

падение сбора в "классическом" цикле первой половины столетия. Душевое потребление также, хотя и немного, но возросло, и в целом картина разительно отличалась от классической, скорее, напоминая участок D на графике Брауна–Хопкинс – участок начала модернизации.

Как я отметил выше, большинство американских историков считали, что в конце XIX в. положение в российском аграрном секторе улучшалось. Среди их аргументов важное место занимали отмеченные факты роста населения, производства и потребления. Тогда почему же произошел кризис? В общей форме ответ на этот вопрос уже дан выше: как показывает английский пример, кризис и революция могут произойти и на начальном этапе модернизации, когда экосистема еще не вышла из состояния неустойчивости, характерного для периода стагнации. Но, чтобы воспользоваться этим примером, необходимо проанализировать, насколько велики были перемены к лучшему, могли ли они кардинально изменить ситуацию и сделать кризис невозможным.

Насколько велики были перемены к лучшему?

Прежде всего рассмотрим вопрос о росте потребления. Средние данные по десятилетиям (см. табл. 2) показывают, что душевое потребление возросло с 15,9 пуда в 1881–1890 гг. до 19,0 пудов в 1901–1910 гг., то есть на 20%. При этом оно, однако, лишь достигло минимальной нормы, которая тоже возросла и в начале XX в. была равна примерно 18,7–19,2 пуда. Правда, рост потребления продолжался и дальше, в предвоенное пятилетие 1909–1913 гг., которое часто сравнивают с другими пятилетиями. Я не включил пятилетие 1909–1913 гг. в таблицу, потому что это нарушило бы принцип однородности данных: десятилетия могут сравниваться только с десятилетиями. Имеется и другое важное обстоятельство: при сравнении по пятилетиям мы сталкиваемся с вопросом о влиянии природного фактора.

Специфика сельского хозяйства России заключалась в том, что урожаи сильно колебались. Подсчитано, что отношение максимального урожая ржи к минимальному в 1901–1910 гг. составляло в России 1,67, во Франции – 1,28, в Германии – 1,18 [Череванин, 1927, с. 161]. Как показал С. Уиткрофт [Wheatcroft, 1991], урожаи сильно колебались не только год от года, но в среднем по пятилетиям, поэтому пятилетний сглаживающий тренд имеет циклический характер. График на рисунке 5 аналогичен графику, приводимому Уиткрофтом, но счет ведется по хозяйственным годам и учтены расходы на посев, благодаря чему реальное потребление можно сравнивать с минимальной нормой. (Однако в отличие от таблицы 2 здесь не учтены расходы на винокурение и армию, которые частично компенсируются потреблением картофеля.)

Судя по этим материалам, в пятилетие 1908/09–1913/14 гг. был действительно достигнут максимум потребления, но примерно такой же максимум имелся в предыдущем цикле в пятилетие 1900/01–1904/05 гг. Таким образом, вполне вероятно, что подъем 1909–1913 гг. был очередным циклическим подъемом, и уверенно экстраполировать в будущее рост 1909–1913 гг. нельзя.

Представление о том, какой уровень потребления нужно иметь, чтобы достичь социальной стабильности, дает сравнение России с другими государствами. Такие данные представлены в таблице 3.

Следует признать, что даже по сравнению с густонаселенными европейскими странами душевое производство хлеба в России было сравнительно невелико, примерно как в Германии и Бельгии. Но в то время, как Германия, Бельгия и другие страны ввозили зерно, Россия его вывозила, и в результате уровень российского потребления, намного отставая от показателей стабильных западных государств, был близок к минимальной норме потребления. Нужно учесть, однако, что при среднем потреблении, близком к минимальной норме, в силу статистического разброса потребление половины населения оказывается меньше среднего и меньше нормы. И хотя по объемам производства страна была более-менее обеспечена хлебом, политика форсирования вы-

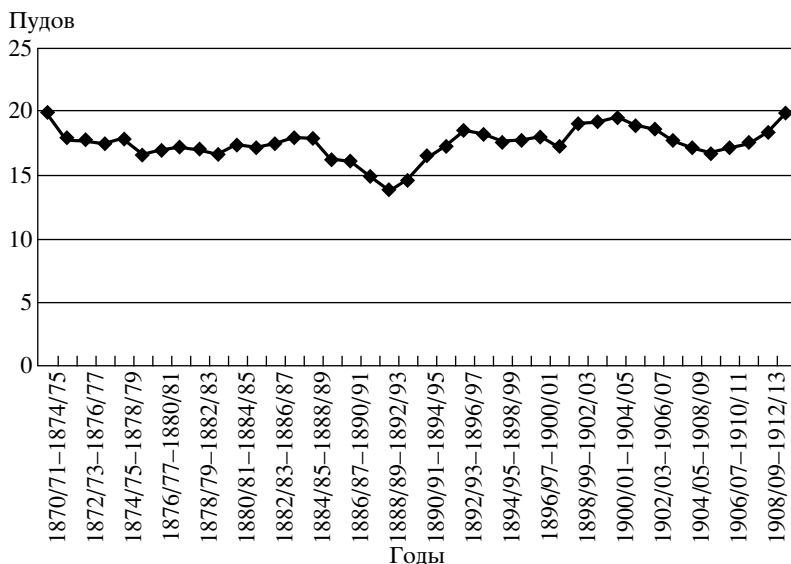

Рис. 5. Душевой чистый остаток хлебов за вычетом посева и вывоза по 50 губерниям Европейской России [Урожай... 1883–1914; Сборник сведений... 1902, с. 7; Свод... 1902, с. 132–133; Сборник... 1916, табл. VII, А. 4].

воза приводила к тому, что среднее потребление балансировало на уровне голодного минимума и примерно половина населения жила в условиях постоянного недоедания.

Вместе с тем анализ пятилетних средних данных отчасти вскрывает механизм социальной неустойчивости. Имеющиеся данные наглядно показывают, что по чисто климатическим причинам вслед за относительно благополучным периодом может прийти целое "голодное пятилетие". В таком случае запасов, накопленных в урожайные годы, не хватит для спасения от неурожая: чтобы стабилизировать положение, необходимо более высокий общий уровень производства. На протяжении полувекового периода в России было два периода неурожайных лет: 1889–1892 и 1905–1908 гг. В эти годы среднее потребление падало ниже минимальной нормы, и недоедала уже не половина, а большая часть населения. Падение потребления стимулировало всплески народного недовольства. В 1905–1906 гг. такой период массового недовольства совпал с временным ослаблением авторитета самодержавия; это привело к революции 1905–1907 гг. [Wheatcroft, 1991, p. 134, 172].

Таблица 3

Чистый остаток хлебов и картофеля (в пересчете на хлеб 1 : 4) после вычета посевного материала ("производство") и остаток с учетом экспорта и импорта ("потребление") на душу населения в конце XIX века*

Страна	Производство	Потребление	Импорт (+) или экспорт (–)
Франция	30,2	33,6	+3,4
Австро-Венгрия	27,4	23,8	–3,6
Германия	24,2	27,8	+3,6
Бельгия	23,7	27,2	+3,5
Великобритания	12,5	26,4	+13,9
Россия	24,3	19,5	–4,8

* Расход на винокурение и армию здесь не учитывается. Источник: [Лохтин, 1901, с. 216–217].

Таким образом, на протяжении полувека Россия *балансировала на грани голода*, это было состояние стагнации, которая характеризуется неустойчивым экологическим равновесием; это равновесие *в любой момент* могло быть нарушено действием случайных факторов. Равновесие поддерживал авторитет царской власти, освободившей крестьян, и покорность бывших крепостных, воспитанная столетием "искусственного отбора". Еще одним, едва ли не важнейшим, благоприятным обстоятельством был внешний мир. Единственная война, которую вела Россия 1861–1903 гг., была "маленькая победоносная война" с Турцией – популярная в народе из-за освобождения "братушек-славян". Но неудачная война и потеря авторитета самодержавия могли спровоцировать отказ полуголодного населения подчиняться властям.

Роль экспорта

Потребление оставалось на уровне минимальной нормы, но, как показывает график на рисунке 4, душевой чистый сбор возрастал. Если бы *все* произведенное зерно *оставалось в стране*, то в конце XIX в. потребление достигло бы 24–25 пудов на душу – *уровня социальной стабильности*. Однако стремительный рост экспорта после постройки "вывозных" железных дорог привел к тому, что в 1870–90 гг. при росте душевого производства потребление убывало (см. рис. 4).

Возникает естественный вопрос: почему это происходило? Почему осуществлялся вывоз зерна в ситуации, когда крестьяне фактически голодали? Очевидно, существовал слой землевладельцев, для которых было выгодно продавать за границу имевшиеся у них большие количества хлеба, и это поощрялось властями, игнорировавшими тот факт, что миллионы бедняков голодали. Кто были эти землевладельцы? Ответ, лежащий на поверхности, – помещики. Действительно, помещики были кровно заинтересованы в том, чтобы продавать свой хлеб на мировом рынке, где цены были много выше, чем в России. В 1896 г. совещание губернских предводителей дворянства напрямую потребовало от правительства еще более понизить тарифы на вывозных железных дорогах – сделать их ниже себестоимости перевозок [Соловьев, 1979, с. 223]. При 686 млн пудах среднего ежегодного вывоза в 1909–1913 гг. помещики непосредственно поставили на рынок 275 млн пудов [Ковальченко, 1971, с. 190]. Эта, казалось бы, небольшая цифра объясняется тем, что крупные землевладельцы вели собственное хозяйство лишь на меньшей части своих земель; другую часть они сдавали в аренду, получая за это около 340 млн руб. арендной платы [Анфимов, 1964, с. 502]. Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать (если использовать среднюю экспортную цену) не менее 360 млн пудов хлеба. В целом с помещичьей земли на рынок поступало примерно 635 млн пудов. Эта цифра вполне сопоставима с размерами вывоза.

Конечно, часть зерна поступала на рынок с крестьянских земель: крестьяне были вынуждены продавать некоторое количество зерна, чтобы оплатить налоги и купить необходимые им товары; но это количество (около 700 млн пудов) примерно соответствовало потреблению городского населения. Можно условно представить, что зерно с помещичьих полей шло на экспорт, а зерно с крестьянских – на внутренний рынок, и тогда получится, что основная часть помещичьих земель *как бы и не принадлежала России*, население страны не получало с них продовольствия, они не входили в состав *экологической ниши русского этноса*.

Но, может быть, Россия получала от хлебного экспорта какие-то другие преимущества? Возьмем для примера данные за 1907 г., когда было вывезено хлеба на 431 млн руб.; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов (в основном, для тех же помещиков) на 180 млн руб. и примерно 140 млн руб. составили расходы русских за границей (там практически постоянно жила часть русской аристократии). Для сравнения, в том же году машин и промышленного оборудования было ввезено на 40 млн руб., сельскохозяйственной техники – на 18 млн руб. [Ежегодник... 1910, с. 191–193; Покровский, 1947, с. 383]. Таким образом, помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребитель-

ские товары и даже частью жили за границей. На нужды индустриализации шла лишь небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта.

Необходимо подчеркнуть, что в российской ситуации не было ничего особенного; в экономической истории много примеров, когда дворянство вывозило из страны хлеб, сужая экологическую нишу своего народа и доводя его до нищеты. Наиболее известный пример такого рода – так называемое "второе издание крепостничества", когда дворянство балтийских стран под воздействием мирового рынка создавало экспортные хозяйства – фольварки – и не только отнимало хлеб у своих крестьян, но и низводило их до положения, близкого к рабству. Бродель писал: «Зерно, повсюду, где оно служило предметом широкой экспортной торговли, работало на "феодализацию"...» [Бродель, 1992, с. 257]. В этом смысле русский хлебный экспорт – остаток феодализма; он был основан на феодальном по происхождению крупном землевладении и на той власти, которую еще сохраняло русское дворянство. Напомню, что согласно современным воззрениям уничтожение крупного землевладения является необходимым элементом "революции модернизации" – это теоретическое положение было сформулировано одним из создателей теории модернизации С. Блэком на основе обобщения опыта социальных революций и реформ в развивающихся странах [Black, 1966, р. 73–74]. Проект аграрной реформы, разработанный С. Витте и Н. Кутлером, естественным образом вписывается в последовательность проектов такого рода, осуществленных впоследствии в различных странах Европы и Азии. Этот проект предлагал *альтернативу революции* 1917 г., но он не был реализован из-за сопротивления дворянства.

В результате была реализована другая, революционная альтернатива. В мою задачу не входит описание долгосрочных последствий революции, таких как коллективизация. Но полезно отметить, что на 1925–1929 гг. экономические результаты революции были таковы: урожайность и посевные площади почти не изменились, экспорт зерна уменьшился сравнительно с 1909–1913 гг. в 12 раз, потребление зерна (душевой чистый остаток за вычетом вывоза и посева) увеличился с 19,8 до 24,8 пуда (подсчитано по: [Данилов, 1977, с. 288; Социалистическое... 1934, с. 176, 203, 343, 382]). Таким образом, наиболее реальным следствием революции стало прекращение экспорта, которое привело к *увеличению потребления* как раз до того уровня, какой мог бы быть и до революции, если бы весь собранный хлеб оставался в стране.

Роль имущественной и территориальной дифференциации

Как отмечалось выше, при среднем потреблении, близком к минимуму, одна половина населения в силу естественного статистического разброса имеет потребление выше нормы, в то время как другая – ниже нормы. Две половины населения – "благополучная" и "голодающая" – примерно соответствовали двум категориям крестьян – бывшим государственным и бывшим крепостным. Исходной причиной имущественного неравенства в деревне была половинчатая реформа 1861 г., освободившая помещичьих крестьян с крайне недостаточными наделами и сохранившая феодальное землевладение помещиков. В 1877 г. средний двор бывших помещичьих крестьян имел надел в 8,9 десятин, а средний двор государственных крестьян – 15,1 десятины. В результате роста населения к 1905 г. наделы уменьшились и составляли, соответственно, 6,7 и 12,5 десятины [Анфимов, 1980, табл. 18]. Эти данные говорят о том, что в деревне существовало резкое разделение имуществ, при котором одна половина крестьян была чуть ли не вдвое богаче другой. Таким образом, по крайней мере половина крестьян постоянно голодала и была готова к бунту.

Имущественное разделение крестьян имело географический контекст. В разных районах крепостные и государственные крестьяне были смешаны в разных соотношениях. В Центральном-Промышленном районе преобладали бывшие крепостные, в Центрально-Черноземном районе две группы крестьян оказались примерно равны, далее на юге и востоке, в Степном крае, в Среднем и Нижнем Поволжье, в Предуралье, на Вятке преобладали государственные крестьяне. Достаток крестьян увеличивался от центра к ок-

**Душевое потребление хлеба и картофеля (в переводе на хлеб 1 : 5)
с учетом перевозок “четырёх главных хлебов” и за вычетом расходов на винокурение***

Губернии	1908–1911 гг.	1909–1913 гг.	Губернии	1908–1911 гг.	1909–1913 гг.
<i>Архангельская</i>	15,0	15,9	Пермская	25,7	27,4
<i>Вологодская</i>	15,9	16,4	Вятская	22,1	23,2
<i>Новгородская</i>	17,6	18,7	<i>Уфимская</i>	16,7	19,1
Петроградская	21,0	23,8	<i>Казанская</i>	15,2	19,1
Псковская	19,4	19,7	<i>Симбирская</i>	18,0	23,3
<i>Витебская</i>	17,6	18,2	<i>Саратовская</i>	13,0	19,3
<i>Могилевская</i>	17,3	18,3	Тамбовская	19,3	23,6
<i>Минская</i>	18,2	19,8	<i>Рязанская</i>	16,4	17,9
<i>Смоленская</i>	19,1	20,6	<i>Тульская</i>	17,1	18,3
<i>Тверская</i>	15,9	17,4	Орловская	20,1	21,3
<i>Ярославская</i>	14,8	22,7	Курская	24,2	26,8
<i>Костромская</i>	19,1	22,6	Воронежская	19,7	28,2
Нижегородская	20,3	23,3	<i>Черниговская</i>	16,2	17,8
Владимирская	21,5	22,6	Киевская	23,3	24,9
Московская	21,2	22,1	Полтавская	23,4	31,1
<i>Калужская</i>	16,9	18,4	Харьковская	23,2	29,1

* Курсивом выделены губернии с потреблением меньше минимальной нормы (19,2 пуда).

Источники: [Производство... 1916–1917; Исчисление... 1916; Урожай... 1909–1914; Сборник статистико-экономических сведений... 1915].

районам; это было обусловлено тем, что на окраинах было больше земли и тем, что там, сравнительно с центром, позже стало развиваться крепостное право.

Имеющиеся данные о вывозе и ввозе из отдельных губерний четырех главных хлебов (ржи, пшеницы, ячменя и овса) позволяют оценить уровень потребления хлеба в губерниях (чистый остаток с учетом ввоза, вывоза и расходов на винокурение, см. табл. 4).

Анализируя данные таблицы, можно прийти к выводу, что в 1908–1911 гг. потребление ниже нормы отмечалось в 18 из 32 губерний, а в 1909–1913 гг. – в 11 губерниях. Положение, таким образом, заметно улучшилось, но удовлетворительным его назвать трудно. На севере – в Архангельской и Вологодской губерниях, несмотря на это увеличение, среднее потребление оставалось ниже минимальной нормы. Тяжелое положение было также в Новгородской губернии, но столичная Петроградская губерния снабжалась существенно лучше. На грани голода существовало население западных губерний – Витебской, Могилевской, Минской, Смоленской (хотя в двух последних в 1909–1913 гг. положение улучшилось). Из губерний центра неудовлетворительное положение в 1908–1911 гг. было в Тверской, Калужской, Ярославской и Костромской (в двух последних оно стало лучше). На Черноземье в зоне голода находились Рязанская и Тульская губернии, на Украине – Черниговская губерния. Относительно высокий уровень потребления был в Курской, Воронежской, Полтавской, Харьковской, Киевской губерниях, причем особенно заметно положение улучшилось в Воронежской губернии. На востоке – в Вятской и Пермской губерниях уровень потребления был удовлетворительным. В Поволжье – в Казанской, Уфимской, Саратовской губерниях положение оставалось тяжелым, но в Симбирской губернии оно заметно улучшилось.

Картину потребления, рисуемую данными статистики, можно дополнить материалами бюджетных обследований, проводившихся в различных губерниях [Материалы... 1916, с. 47; Клепиков, 1920, с. 27]. Суммируя эти данные, А. Чаянов отмечал: "Обращают на себя внимание центральные губернии с пониженной нормой потребления. Окраинные губернии в общем имеют повышенные нормы. Если взять губернии: Ко-

стромскую, Ярославскую, Московскую, Смоленскую, Калужскую и Тульскую, то средняя норма этого района – 13,65 пуда (без картофеля и расходов на фураж. – С.Н.). По остальным губерниям – 18,06 пуда" [Материалы... 1916, с. 38].

Таким образом, в Европейской России существовали относительно богатые и относительно бедные, полуголодные области. Если обратиться к данным 1908–1911 гг., то можно увидеть, что регион бедности представлял собой *связную область*, охватывающую основную часть центра, смежные с ним черноземные и западные губернии, Север и некоторые губернии Поволжья. Если исключить белорусские губернии, то этот регион примерно соответствовал Московскому царству времен Ивана Грозного. Это были перенаселенные коренные области России, с которых в дальнейшем шло расселение на окраины. Д. Байрау отмечает, что эти испытывавшие недостаток хлеба области неслучайно стали "крепостями большевизма" в гражданскую войну – в то время как зернопроизводящие окраинные регионы поддерживали белых [Байрау, 1992].

* * *

Подводя итоги, можно охарактеризовать российский революционный кризис 1905–1921 гг. как *кризис начальной модернизации*. Хотя перемены к лучшему уже начались, они были недостаточны, чтобы придать социально-экономической системе устойчивость. Для улучшения хозяйства требовалось продолжительное время, как говорил П. Столыпин, "двадцать лет покоя", – но история не отпустила реформатору этого срока: угроза войны становилась все более реальной. "В 1890-х гг. все отчетливее чувствовалось приближение войны, а в 1910-х ее неизбежность воспринималась как неоспоримый факт", – писал Э. Хобсбаум [Хобсбаум, 1999, с. 437]. Для государства, находящегося в неустойчивом состоянии стагфляции, любая война сопряжена со смертельным риском. Социальное напряжение в России было столь велико, что поражение где-то на Дальнем Востоке спустило пружину первой русской революции 1905–1907 гг. Естественно, что вторжение неприятельских армий в Европейскую Россию в 1914–1917 гг. должно было вызвать вторую, более мощную, революцию, которая и разрушила существовавшую социальную систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI века. Т. I. Л., 1971.
- Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980.
- Анфимов А.М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901–1912 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1964.
- Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1.
- Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. М., 1992.
- Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.
- Ежегодник России. 1909. СПб., 1910.
- Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. Петроград, 1916.
- Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963.
- Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. Ч. I. М., 1920.
- Ковальченко И.Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства в России в первой половине XIX века // История СССР. 1959. № 1.
- Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.
- Лохтин П. Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. СПб., 1901.

- Материалы по вопросам разработки продовольственного плана. Вып. 1. М., 1916.
- Миронов Б.Н. "Сыт конь – богатырь, голоден – сирота": питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века // Отечественная история. 2002. № 2.
- Нефедов С.А. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока // Восток-Oriens. 2003. № 3.
- Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. М., 1974.
- Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.
- Попов П. Хлебофуражный баланс. 1840–1924 // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925.
- Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Выпуск 1–2. Петроград, 1916–1917.
- Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I. СПб., 1902.
- Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Петроград, 1915.
- Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1916.
- Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. II. СПб., 1902.
- Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1979.
- Социалистическое строительство СССР. М., 1934.
- Урожай... года. СПб., 1883–1914.
- Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6.
- Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов-н/Д., 1999.
- Череванин Ф.А. Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет. 1883–1923 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России. М., 1927.
- Чернышев И.В. Сельское хозяйство довоенной России и СССР. М. – Л., 1926.
- Black C.E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. New York, 1966.
- Brown Ph., Hopkins S.V. Seven Centuries of Building Wages // Economica. Aout 1955.
- The Cambridge Economic History of Europe. Vol. IV. The Economy of Expanding Europe in the XVIth and XVIIth Centuries. New York–London, 1967.
- Gatrell P. The Tsarist Economy. 1850–1917. New York, 1986.
- Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia 1861–1917 // Cambridge Economic History of Europe. Vol. 4. Part 2. Cambridge, 1965.
- Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991.
- Gregory P. Russian National Income. 1885–1913. Cambridge, 1982.
- Histoire économique et sociale de la France. T. I. Paris, 1977.
- Hoch S. On Good Numbers and Bad: Maltus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 1.
- Komlos J., Nefedov S. A Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth // Historical Methods. 2002. Vol. 35. № 2.
- Pearl R. The Biology of Population Growth. New York, 1925.
- Robinson G.T. Rural Russia Under the Old Regime. New York–London, 1967.
- Simms J. The Crisis in Russian Agriculture at the End of Nineteenth Century: A Different View // Slavic Review. 1977. Vol. 36. № 3.
- Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton–Oxford, 2003.
- Volin L. A Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev. Cambridge (Mass.), 1970.
- Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia // Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. Princeton, 1991.
- Wrigley E.A., Schofield R.S. The Population History of England 1541–1871. London, 1981.